

РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ В АМЕРИКЕ

ОБМЕН ОПЫТОМ

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

ТЕНЬ
ИРАКСКОГО
СНАЙПЕРА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г82

Грич, Александр.
Г82 Тень иракского снайпера / Александр Грич. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-99089-4

В Сан-Франциско один за другим погибают два известных бизнесмена. В обоих случаях почерк убийцы одинаков: жертвы усыплены снотворным и задушены голыми руками. У обоих на кистях рук оставлена надпись по-латыни: «Опоздание недопустимо». Подключившийся к расследованию детектив из России Олег Потемкин устанавливает, что погибшие любили живопись и в разное время заказывали свои портреты у одного и того же художника. Не здесь ли кроется разгадка преступления? Или все дело в латинской надписи, на поверку оказавшейся девизом элитной воинской части, воевавшей в Ираке? У ее ветеранов особый взгляд на искусство и... очень сильные руки.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99089-4

© Грич А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Ты можешь жить в стране десятки лет, быть успешным, пожинать лавры славы и почета или просто работать скромно и незаметно. Ты можешь каждый день постигать эту страну — и намеренно, изучая язык и культуру, читая книги, бродя по улицам или просто дыша ее воздухом, вглядываясь в лица, присматриваясь, как ведут себя здешние жители в той или иной ситуации.

Ты можешь — и будешь — незаметно для себя сам пропитываться этим воздухом, приобретать те или иные черты, свойственные жителям этой страны, а выезжая за рубеж, станешь с удивлением ловить себя на мысли, как чего-то, бывшего тебе совершенно чуждым, тебе вдруг и не хватает, а что-то другое, когда-то родное и близкое, теперь вызывает у тебя недоумение и неприятие — так вот оно и происходит на самом деле.

Был в России великий педагог — Шаталов, который отбирал в свои классы исключительно отпетых двоечников, и за год у него они прохо-

дили на «отлично» двухлетнюю программу по математике, а за три года — чуть ли не школьный курс завершали — опять же с отличием. Сам этот педагог был, видимо, человеком скромным, и когда журналисты одолевали его, выпытывая, в чем секреты его мастерства, он отвечал простым примером.

«Вот вы берете самый обычный свежий огурец, — говорил он. — И погружаете его в банку с рассолом. У огурца нет выхода — он станет сначала малосолевым, потом соленым. И никаких других секретов я не знаю».

Но знал, наверняка знал... Иначе мир полон был бы математическими гениями, выдающимися музыкантами, прекрасными поэтами... А пока ничего этого близко не происходит.

Кривая распределения — чья она там — Гаусса? — остается неизменной, возьми ты самую заурядную школу или, скажем, парламент. Научно-исследовательский институт — или корпорацию. Небольшая группа лидеров — это верх, куда более значительная — аутсайдеров — это низ. И в промежутке — основная масса средних работников. Так всегда было и будет.

«И все-таки Шаталов был прав насчет «огурцового принципа», — думал Олег Потемкин. — Исполдволь, незаметно входят в нас быт и нравы, нормы и привычки той среды, в которой мы живем. И никуда от этого не денешься, надо только не терять способности замечать за собой

такие изменения. Так называемому простому человеку это, может быть, и необязательно. А сотруднику подразделения, которое и занимается, в частности, людскими повадками, и сталкивается с теми или иными проявлениями человеческой психологии каждый день, притом в ситуациях экстремальных, — наблюдения за самим собой нужны как воздух. Не было бы у него, Олега Потемкина, опыта работы в Штатах — он бы и думал, и судил здесь обо всем по-другому...»

Громкий свист, а чуть после оглушительный хлопок разорвавшейся в небе шутихи, от которой во все стороны посыпались золотые звезды, прервал мысли Олега.

— Это соседи так развлекаются, — меланхолично пояснил ему собеседник, Лайон О'Рэйли. — Район художников, им это прощается... Не всегда, разумеется.

О'Рэйли, помощник Потемкина по делу о гибели профессора-кардиолога Фелпса, смуглый крепыш-ирландец, на ирландца совсем не похожий, с давних времен первого знакомства в Лос-Анджелесе относился к эксперту-криминологу Потемкину с уважением и почтением. Был Лайон безукоризненным исполнителем, человеком с завидным IQ, чуть не 160 — таким обладают менее десяти процентов населения. В правоохранительные органы люди с таким IQ идут нечасто, а вот Лайон пошел. Олег еще в пору

расследования в Лос-Анджелесе отметил его для себя — и, как показало время, не ошибся.

Теперь Лайон О'Рэйли возглавлял отделение Группы в Сан-Франциско. В этот приезд они встретились сразу же после появления Олега в городе, провели чудесный вечер, вспоминая общих знакомых, и тогда же Лайон, извинившись за текучку и занятость, пригласил Потемкина через две недели на «pool party» в доме художника Брета Леборна. До этого события Лайон должен был уехать в командировку и заниматься неотложными делами, а у Олега тоже было насыщенное расписание — только отпускное. И вот сегодня они снова встретились и отправились в дом художника.

«Pool party» — прием гостей у бассейна. Предполагается, что гости по мере необходимости и желания могут купаться, прыгать в воду, поглощать прохладительные напитки — и вообще вести себя крайне непринужденно. И купальные костюмы любой степени откровенности тоже приветствуются. На то и встреча у бассейна. В гости как ходят? Других посмотреть и себя показать. Так вот в этом смысле бассейн — идеальное место: ничего не спрячешь. Можно, правда, на «пул парти» одеться как на званый обед — но это почти признание собственной несостоятельности...

Лезть в воду Потемкину совершенно не хотелось — накупался за дни отдыха. И они с О'Рэйли в купальных костюмах, взяв коктейли, расположились под зонтиком, неподалеку от просторного бассейна. Лайон неторопливо называл действующих лиц, рассказывая о тех, кого знал. А Потемкин с удовольствием наблюдал за молодым коллегой — крепко сбитый, загорелый, есть фунтов пять лишнего веса, но это легко сбросить. Искоса поглядывал на своего шефа и Лайон: Потемкин в свои пятьдесят был в боевой форме: крепкого сложения светловолосый сероглазый человек с темными усами и бровями, с ямкой на твердом подбородке. Рост — около шести футов, никаких рельефных мускулов, ничего «культуристического», показного. Мышцы ног, рук и торса гармонично развиты и выглядят отлично. Давний шрам на груди, справа, почти незаметен. И на животе никаких рекламных мышечных «кубиков». Но этот живот не прошибешь — Лайон хорошо помнил, как при расследовании одного из давних дел зашел спор в офисе с офицером соседнего подразделения и Потемкин согласился, чтобы к нему на живот по доске въехал трехтонный грузовичок «Дженерал моторс». Сначала — пустой, потом — нагруженный. Спор Потемкин выиграл. Выигрыш забрал и написал чек на благотворительную организацию помощи детям Африки.

«Шеф и сейчас не в худшей форме», — подумал Лайон, продолжая рассказывать.

А Потемкин неторопливо следил за его персонажами.

Вот почтенный судья Дэвис сидит у бассейна в шезлонге, отпивая сок манго из высокого бокала, и добродушно смотрит на беззаботную публику. И, наверное, как все старики, думает о том, что молодежь мельчает, что теперь никому и в голову не придет устроить встречу у бассейна зимой, как в былые времена, когда такие «pool party» устраивали в древнеримском стиле в поместье медиамагната Уильяма Рендольфа Хёрста... Да и вообще нынешнее поколение пятидесятилетних не умеет толком веселиться, хотя вроде бы все у них есть. Правда, сегодняшний хозяин хоть кое-что умеет. Не Хёрст, понятно, не тот размах... Но все же хозяин дома Брет Леборн — художник, он несет в себе искру тех, былых, дней, когда люди умели и любить, и веселиться, а не только сидеть у компьютеров и считать деньги...

А вот и хозяйка появилась.

— Принести вам чего-нибудь покрепче, ваша честь? — Хозяйка дома, Джейн, была почти на тридцать лет младше мужа. Тонкая талия, высокая, зеленые глаза на пол-лица — старый судья, не скрывая, любовался ею, и Джейн, видимо, это было приятно.

— Ничего мне не надо, милая. Смотрю на вас, на молодых, и получаю удовольствие. Теперь это мой самый крепкий напиток: смотреть на красивых женщин.

— Тогда вы в опасности: тут сегодня столько красавиц собралось, что, боюсь, судья, вы охмелеете... — кокетничала Джейн.

— Ага, хозяйка снова занимается обольщением самых влиятельных мужчин. — Это подошел Клод Левайн, высокий, ухоженный, пахнущий дорогим одеколоном. Один из самых известных в городе врачей-психиатров. — Судья, я вам безумно завидую.

— Будем считать, что судью я уже обольстила, теперь с удовольствием займусь вами. — Джейн подхватила Левайна под руку и, улыбнувшись судье, увлекла врача в сторону. — Клод, мне нужен ваш совет. Только не смейтесь, я серьезно. У меня нарушился сон. Просыпаюсь среди ночи, всегда часов около трех, и — ни в одном глазу. Читаю Интернет — я там всегда нахожу что-то полезное, но не в моем случае...

— Сны видите? — спросил Левайн подчеркнуто серьезно.

— В первой половине ночи — нет. Только под утро.

— Тревожные сны, нехорошие?

— Когда как.

— Позвоните в мой офис, скажите, что я просил назначить вам встречу на этой неделе. Не

забудьте упомянуть, что это мое распоряжение, иначе...

— Я знаю, что у вас запись чуть не на полгода вперед. Спасибо, Клод.

В бассейне, поставив бокалы с коктейлями на бортик, беззаботно беседовали гости.

— А я вам говорю, что Голливуд стал чрезвычайно газетным, — с жаром провозглашала брюнетка с длинными выющимися волосами, которые она не стала прятать под купальную шапочку, — Эмилия Стоун, известная журналистка. — Возьмите главную премию «Оскара» этого года. Я не спорю — тема очень важная — о том, что священники совращают малолетних. И фильм талантливо сделан, и материал актуальный. Но это же тема для газетной статьи, а не для художественного кино.

— Я в ваше высокое искусство не хочу вмешиваться, — отозвался ее сосед, весь поросший черными волосами — и грудь, и живот, и спина... В этой густой шерсти живописно сверкали капли воды, а сам хозяин этого замечательного волосяного покрова, Хурам Хасане, владел сетью крупных супермаркетов «Тройс». Черты лица у Хурама были крупные и асимметричные. На левой щеке — шрам. Непривлекательная внешность... Хурам это знал и глядел на гладкие загорелые тела присутствующих мужчин с некоторым оттенком превосходства. Впрочем,

словесно это, конечно же, никак не выражалось. Напротив, Хасане был человеком широкообразованным, начитанным и светским. И обожал играть, особенно с незнакомыми собеседниками, на контрасте своей интеллигентно-изысканной речи с несколько киношно-мафиозной внешностью. — Надо ли напоминать вам, милая леди, — продолжал Хасане, — что для искусства нет ничего запретного. Весь вопрос в том, насколько то, что вам показывают, действительно искусство, вот в чем дело. Разве не так, Джордж?

— Согласен! — отозвался человек с жестким ежиком серых волос. — Ничего запретного для искусства быть не может. Вот смотрите: сейчас вся публика в восторге от фильма «Выживший» с Ди Каприо в главной роли. И от самого Ди Каприо, в частности. Ну, я вам не стану произносить жалких слов о таланте вообще и о том, что Ди Каприо — талантлив. Но вот смотрел я этот фильм. Внимательно. Без предубеждения. И вот — не вижу я этого героя. Не настоящий человек там мучается, и страдает, и утопает, и воскресает, а актер Ди Каприо. Я должен видеть, как отчаявшийся человек ночует, чтобы не замерзнуть, в брюхе лошади... А я вижу, что это небритый и немый, а может быть, специально вымазанный грязью актер все это проделывает. И я ему не верю.

— Но Джордж! В жизни достаточно ситуаций не скандальных, в которых искусство может и должно разбираться, — капризно протянула Стоун.

— Наверное, ты права, — сказал Джордж Кейплин мрачно. — Мы с тобой выбрали проклятые специальности. У меня искусствоведение, у тебя — журналистика. «Искусствоведение»! — протянул Джордж иронически. — И слово само ненормальное, и ремесло. Вон Хурам — счастливый человек. И не потому счастливый, что богатый, не потому, что умный. А потому, что имеет дело с реальным миром и реальными вещами, которые можно измерить, взвесить, преобразовать...

— Хочешь, возьму тебя менеджером в свой маркет на Ван Нисс? — серьезно предложил Хасане. — А то ты так проклинаешь искусство, что просто жаль тебя становится.

— Я бы был счастлив, если бы мог у тебя работать, Хурам. Ты же знаешь, я не шучу. Но небо дает каждому свое. Простите, я скоро вернусь.

Джордж Кейплин легко подтянулся на руках, влез на бортик и зашагал в сторону теннисного корта — там жарили мясо на барбекю, отсюда неслись веселые голоса.

— Сложный человек наш Джордж, — резюмировала Эмилия. — Вы, Хурам, давно его знаете?

Хасане кивнул.

— Он максималист, в этом вся проблема. И стремится быть максималистом во всем. Вы ведь знаете, что он рисовал, и очень неплохо? Бросил — считал, что то, что он делает, недурно, но заурядно. А заурядным он быть не хотел. Он и в Ирак пошел служить, чтобы внутри себя утвердиться, что способен делать настоящие дела... — Хасане вкусно потянулся — даже слышно было, как косточки хрустнули. — Но насчет этого фильма и Ди Каприо в нем я с Джорджем целиком согласен.

— Эй, Лайон! Почему ты позволяешь нашему гостю скучать? — Это подошли к Потемкину и О'Рэйли очаровательная Джейн с хозяином дома Бретом Леборном — крепким человеком с густыми черными волосами, не поредевшими от возраста, классическим римским профилем и неожиданными на этом лице серо-стальными глазами.

— Мы о вас много слышали, — улыбнулся Леборн, адресуясь к Олегу. — Как вам Калифорния? И почему в стороне от прекрасных ребышек, ароматом которых дышит вся округа?

— Статистика показывает, что человек в среднем тратит на еду пять лет жизни, — сообщил Лайон сурово. — Так что мы воздержимся...

В это время замурлыкал мобильный телефон Лайона, и он, извинившись, отошел в сторону.